

ления империи и многие приезжие гости. К тому же надо добавить, что путь товара, который уже прошел через пункты таможенного досмотра, было очень тяжело проследить, и соответственно вероятность его обложения таможенной пошлиной была также невелика.

Время коренных изменений в таможенной политике приходится на период правления императора Юстиниана I (527–565). Во-первых, он разделил октаву на два отдельных налога, заставив торговцев платить таможенную пошлину не при продаже товара, а при въезде в Империю [6, с. 400]. Таким образом, в Византии вводилась практика таможенного обложения, подобная современным таможенным правилам. Затем он упразднил практически все льготы при налогообложении [16, пов. 21, 43, 57]. Для более четкого осуществления новых таможенных принципов Юстиниан продолжил политику назначения на таможенные должности государственных чиновников на жаловании, начатую императором Анастасием I (491–518) [6, с. 387]. Все эти действия, несмотря на то что таможенная пошлина осталась на уровне 10 %, вызвали взрыв недовольства со стороны торговцев. Вынужденные платить таможенные пошлины, да еще до продажи их товаров, многие торговцы бросили свое ремесло, остальные, естественно, все дополнительные расходы включили в стоимость товаров [6, с. 382]. В результате произошел новый скачек цен и новый взрыв недовольства городского плебса. Однако Юстиниан решил не отступить и установил так называемые монополии, первоначально означавшие фиксированные цены на продажу товаров [6, с. 400–402]. Затем эти монополии стали означать исключительное право закупочно-продажной деятельности государства [6, с. 402]. Лишь государственные чиновники имели право закупать крупным оптом товары у иностранных купцов, а затем продавать их ремесленникам или мелким торговцам. Такие государственные торговые агенты назывались коммерциариями и имели право закупки шелка, ремесленной продукции высокой стоимости и продуктов первой необходимости [16, пов. 15].

Следовательно, неудачи политики протекционизма, начатой византийскими императорами IV–V вв., и направленной на усиление эффективности, доходности таможенной системы, привели в результате к целому ряду юстиниановских реформ VI в. и практически к «национализации» внешней торговли.

Литература

1. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. — Л., 1971.
2. Летопись Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. — М., 1884.

3. Липшиц Е. Э. Пути формирования феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии // ВВ. — 1958. — Т. 13.
4. Малх Филадельфиец. Византийская история в семи книгах // Византийские историки: Дексипп, Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кондид, Ноннос, Феофан Византиец. — СПб., 1860.
5. Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V–VII вв. // ВВ. — 1947. — Т. 1 (26).
6. Проконий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М., 1993.
7. Ahrweiler H. Fonctionnaires et bureaux maritimes a Byzance // Revue des etudes byzantines. Paris, 1961. — Т. 19.
8. Antoniadis-Bibicou. H. Recherches sur les douanes a Byzance. — Paris, 1963.
9. Codex Justinianus // Corpus Juris Civilis. — Berolini, 1895. — Vol. 2.
10. Codex Theodosianus. — Berlin, 1905.
11. De Laet S. J. Portorium. Etudes sur l'organisation douaniere cher les romains surtout a l'epoque du Haut Empire. — Brugge, 1949.
12. Digesta // Corpus Juris Civilis. — Berolini, 1908. — Vol. 1.
13. Jones A. H. M. The Later Roman Empire (280–602). A social, economic and administrative survey. — Oxford, 1961.
14. Les Nouvelles de Leon VI le Sage. — Paris, 1944.
15. Millet G. L'Octava, impot sur les ventes dans le Bas-Empire // Melanges G. G. G. — Paris, 1932. — Т. 2.
16. Novellae Justiniani // Corpus Juris Civilis. — Beroloni, 1904. — Vol. 3.
17. Rostovtzeff. M. The Social and Economic history of the Roman Empire. — Oxford, 1957.

А. Н. Домановский

О РЕГУЛИРОВАНИИ ТОРГОВЛИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ СОГЛАСНО КНИГЕ ЭПАРХА (опыт реконструирующего моделирования элементов управленческого процесса)

Снабжение населения крупных городских центров продуктами питания всегда было предметом неотступных забот византийского государства. Администрация строго контролировала цену товара и норму прибыли тех торговцев, которые имели дело со снабжением жителей городов продуктами питания [1, с. 142; 2, с. 15]. И именно необходимо-

стью планомерного регулювання забезпечення горожан продовольством за частую пояснюють наявність державної організації діяльності корпорацій [3, с. 112].

В цілому проблеми державного регулювання торгівлі продовольством в Візантії, і особливо в столиці держави — Константинополі, знайшли широке освітлення в історіографії, що, втім, дозволяє ставити нові питання. В частині, в даній статті вперше буде поставлена задача поопераційного розбору діяльності деяких посадових осіб адміністрації Константинополя по регулюванню торгівлі продуктами харчування переважно на основі такого важкого джерела як Книга Епарха.

В столиці Візантійської імперії, де урядові цілеспрямовано створювалося становище «ізобилія», контроль за торгівлею продовольственными товарами здійснювали в основному епархи міста і входивший в його відомство симпон [4, с. 102, 104; 5, с. 329; 6, с. 39], являючись складовими частинами деякої простішої управлінської системи. При вивченні подібних систем виділяють три етапи: побудова інваріантної ієрархічної структури системи, моделювання механізму її функціонування і розгляд розвитку цього механізму в часі [7, с. 15; 8, с. 119, 124]. Характер даної роботи, базуючоїся головним чином на вивченні юридичного джерела (Книга Епарха), всі норми якого діяли одночасно, дозволяє пренебрати останню складову дослідження управлінських систем, оскільки автоматично відбувається «абстрагування від тимчасових змін, фіксування... синхронних фактів» [9, с. 27]. Джерелом задана також простіша структура розглядаваної системи, що відображає незмінні закономірності побудови і взаємодії елементів процесу управління [7, с. 16]. Її можна розглядати як послідовне прийняття деяких рішень [8, с. 119; 11, с. 102], тому моделювання механізму функціонування системи можна звести до реконструювання схеми, по якій приймалися управлінські рішення. Це повністю можливо, оскільки ми володіємо знаннями про ієрархічну структуру організації і маємо джерело — «інструкцію», що предписує суб'єкту управління виконувати деякі дії для досягнення певних цілей і тим самим обмежуючий «число альтернатив» його дій [ср: 8, с. 120; 10, с. 32, рис. 4].

Ураховуючи те, що основною метою візантійської адміністрації (в нашому випадку) було регулювання постачання населення столиці продовольством, здійснюване, як відзначалося вище, шляхом встановлення цін на продовольственні товари, продавані членами тор-

гових корпорацій, відновимо, перш за все, порядок дій епарха і симпона при встановленні ними цін на продукти харчування. Іншими словами, спробуємо створити модель механізму ціноустановлення, яким «користувалися» вказані чиновники. Досягти поставленої мети можна шляхом встановлення «функціональної зв'язки між змінними величинами, до яких зводиться вивчається система» [12, с. 7; см. також: 13, с. 64, 70]. Це дозволить створити аналітичну математичну модель механізму ціноустановлення, записавши її в формі того чи іншого алгебраїчного рівняння [14, с. 329–331].

Начнемо з розгляду регулювання діяльності корпорації хлібопеків, що постачала горожан основним продуктом харчування і привертала особливу увагу властей. Артополов навіть звільняв від деяких державних обов'язків для того, «щоб вони без будь-яких перешкодок могли печи хліб» [4, XVIII.2; 15, с. 371; 16, с. 97]. С цією ж метою манкіпам була встановлена досить значительна прибуль в розмірі «одного кератія і двох міліарісієв на одну номізму» [4, XVIII. 1; 15, с. 397], тобто 20,833 % від загальної сумми виручки. Таким чином влади турбувалися про те, щоб артопол міг оплатити необхідні великі витрати виробничого процесу, на який шло два міліарісія (4 кератія) або ж $\frac{2}{3}$ (16,666 %) всього кердоса [4, XVIII.1, с. 242; 2, с. 16–17; 5, с. 321; 17, с. 606; 18, с. 146].

В інтересах населення адміністрація встановлювала і ціну на хліб. При зменшенні або збільшенні ціни на зерно, що відповідно впливало на його ціну, артополи повинні були звертатися до епарха міста, щоб після відповідного розпорядження останнього симпон встановлював «применительно до купівельної ціни на зерно розміри караваєв хліба для продажу» [4, XVIII.4; ср.: XVIII.1]. В історіографії закріпилася точка зору, що згідно даному постановленню Книги Епарха ціна хліба залишалася незмінною, змінювався лише вага булочки [4, с. 238, 243; 15, с. 371; 17, с. 606; 18, с. 146]. Якщо вважати, що ціна караваєв дійсно була стабільною, а прибуль артопола суворо фіксованою, то і кількість караваєв, отримуваних з зерна, купленого на одну номізму, не змінювалася [ср.: 19, с. 252].

Припустимо, що звичайно за одну номізму можна було купити всього сім модієв (близько 60 кг) зерна [20, с. 197 (гл. 13); 15, с. 373], а випічка складала 75–120 караваєв при витраті 0,5 кг борошна на булочку, а також враховуючи передбачений хлібопекам дохід, рівний одному кератію і двом міліарісіям з витраченої номісми [4, XVIII.1], вивчаємо передбачувану ціну одиниці продукту. Оскільки «под прибулью розуміється лише те, що залишається після відрахування всіх витрат [в тому числі і витрат на виробництво — А. Д.]» [21, XVII.2.30 (с. 430); 15, с. 369–

370], то общая сумма выручки с продажи должна включать в себя и сумму, затраченную манкипом на покупку зерна, и предписанный ему доход [ср.: 6, с. 46] и составляет, таким образом, 348 фоллов. Отсюда цена одного карава — $348 : 120 (75) = 2,9 (4,64)$ фолла [ср.: 15, с. 373]. Если считать цену одного карава равной 3–4 фоллам, то количественный выход продукции хлебопека должен был составлять 87–116 булок. Как представляется, предпочтение следует отдать более низкой цене в 3 фолла, поскольку именно ее константинопольцы воспринимали как вполне приемлемую [15, с. 372]. Отсюда следует, что неизменное количество караваев, получаемое с зерна, купленного на одну номисму, составляло 116 штук.

На основании вышеприведенных данных можно реконструировать предписанную деятельность симпона по регулированию торговли хлебом. При закупке манкипами зерна он должен был установить вес булки, руководствуясь четырьмя известными ему цифрами: весом зерна, купленного на одну номисму [4, XVIII. 4]; неизменной суммой кердоса хлебопек в 60 фоллов [4, XVIII. 1], и, следовательно, общей суммой их выручки в 348 фоллов; неизменной ценой одного карава хлеба (предположительно 3 фолла); не меняющимся количеством караваев, получаемых с купленного на номисму зерна (предположительно 116 штук). По сути, задача симпона сводилась к тому, чтобы разделить известный вес зерна на стабильное количество караваев, получив при этом вес булки. Если за номисму можно было купить 60 кг зерна, то на один каравай должно было идти около 0,52 кг муки.

Впрочем, гораздо более вероятной представляется несколько иная схема деятельности симпона. Учитывая, что источник не говорит ни о фиксированной цене булки, ни тем более о фиксированном количестве караваев хлеба, можно предположить, что это были переменные величины, опосредованным образом связанные с рыночной конъюнктурой. Книга Эпарха также позволяет сделать вывод, что вес карава устанавливался на основании веса зерна, купленного на одну номисму [4, XVIII. 1; ср.: XVIII. 4]. Отсюда вполне логичным кажется предположение о том, что вначале симпон должен был, основываясь на известном ему весе зерна, стоящего номисму, и руководствуясь некими неизвестными нам соображениями, установить вес одной булки. Схожим образом симпон должен был устанавливать «применительно к покупной цене» меры и сосуды, «в которых надлежит продавать вино» [4, XIX. 1; см. ниже]. После того, как симпон устанавливал вес одного карава, артополы сами «должны производить и экзагии (poieitosan kai ta exagia)» [4, XVIII. 1]. Как представляется, более точным в данном случае будет приводимый М. Я. Сюзюмовым, но отвергнутый им перевод «раскладки по весу» [4,

с. 238]. Действительно, хлебопеки должны были разделить вес зерна, купленного на одну номисму, на вес карава, установленный симпоном, получив, таким образом, количество булок, которые следует изготовить из «контрольного веса зерна». Далее, разделив общую сумму выручки хлебопек на количество караваев, находили вес одной булки. Все эти действия складываются в механизм установления цены на хлеб, который можно выразить следующей формулой: $x = \frac{348 \times d}{z}$, где x — цена одного карава; 348 (фоллов) — общая сумма выручки хлебопек; d — вес одного карава; z — вес зерна, купленного на одну номисму.

Не меньше внимания администрация уделяла и регулированию торговли рыбой, являвшейся одним из основных продуктов питания ромеев. С торговлей этим продуктом были связаны две системы — рыбаков и рыботорговцев [4, XVII.1.3; 15, с. 375–376, 417 прим. 50; ср.: 4, XVII.1.3 (с. 66), с. 233, 235; 18, с. 144–145]. Каждое утро проестоты — старшины корпораций обязаны были сообщать размер улова эпарху города, чтобы последний определил порядок продажи рыбы константинопольцам [4, XVII.4]. Обязанностью проестотов рыботорговцев было также наблюдать за продажей рыбы, следить, «чтобы при этом извлекалась прибыль не свыше одного милиарисия на каждую номисму» [4, XVII.1; 18, с. 144]. Исходя из этого, логично предположить, что градоначальник, основываясь на полученной от них информации о размере улова и, очевидно, о количестве рыбы, купленной за одну номисму, и учитывая размер предписанного рыботорговцам кердоса, устанавливал продажную цену рыбы [ср.: 4, с. 233; 18, с. 145; 16, с. 96]. вполне правомерным следует считать замечание Г. Г. Литаврина о том, что ежедневно утром к эпарху являлись проестоты двух корпораций [18, с. 144], поскольку старшины рыбаков должны были сообщить размер улова, а старшины ихфиопратов получить распоряжения эпарха о порядке торговли. Это замечание, как представляется, опровергает другое предположение Г. Г. Литаврина о том, что закупку рыбы «на берегу и в скалах (en tois aigialois kai en tais skalais)» [4, XVII.3] контролировали специальные чиновники из ведомства градоначальника [18, с. 145]. Еще один исследователь, П. В. Безобразов, даже писал о том, что за закупкой рыбы у рыбаков должны были следить некие «полицейские чиновники» [17, с. 606], существование которых не подтверждается источником. По-видимому, для контроля вполне достаточно было старшин двух корпораций, имевших по вопросу купли-продажи рыбы противоположные интересы: рыбаки, заинтересованные в продаже всего улова, не склонны были его приуменьшать; рыботорговцы, обязанные заплатить рыбакам за улов, не были склонны его приувеличивать. Это затрудняло, по сути исключало, сговор между ними. Намеренное

искажение, фальсификация любой части информации неминуемо отразилась бы на другой ее части, ущемив интересы одной из систем [22, с. 4].

Таким образом, соблюдались основные требования, предъявляемые к информации в процессе управления [23, с. 105]: обеспечивался высокий уровень достоверности данных, получаемых эпархом города от старшин корпораций рыбаков и рыботорговцев, своевременное обеспечение управляющего элемента (эпарха) необходимыми данными («ежедневно утром рано» [4, XVII.4]) и оперативная доставка принятого решения до непосредственного исполнителя (получив от эпарха соответствующие распоряжения о порядке продажи рыбы [4, XVII. 4], проестоты ихфиопратов должны были следить за их реализацией [4, XVII.1]). Организованная же закупка рыбы «на берегу и в скалах» и запрет «дробления торговли» [4, XVII.3], объясняются необходимостью контроля за куплей-продажей, но не со стороны официальных чиновников ведомства градоначальника, а со стороны проестотов обеих систем.

Эпарх, получив необходимую информацию, должен был установить цену рыбы таким образом, чтобы доход ихфиопратов составлял не более одного милиарисия с затраченной на покупку товара номисмы [4, XVII.1; *ср.*: XVII. 4]. Формула механизма регулирования цены продаваемого рыботорговцами n -ного веса рыбы представляется при этом следующей: $x = \frac{312 \times d}{y}$, где x — цена продаваемого веса рыбы; d — продаваемый вес рыбы; 312 (фоллов) — общая сумма выручки ихфиопратов; y — вес рыбы, купленной на одну номисму.

Не менее тщательно контролировали власти и торговлю еще одним важным продуктом питания — мясом. Дигесты, Василики и Эпаногога согласно говорят об обязанности эпарха города заботиться о продаже мяса по «справедливой цене» [21, I.12.11 (с. 178); 24, IV.8; 25, VI.4.2]. Несмотря на то, что в Книге Эпарха словосочетания «справедливая цена» нет, это понятие ей присуще и для данного случая раскрывается именно на основании ее данных [4, с. 225; 2, с. 32; 6, с. 44–45]. Градоначальник должен был присутствовать при разделке одного из купленных животных и, по всей видимости, устанавливать цену, «исходя из той суммы, которую уплатили при покупке скота по его качеству» [4, XV. 2, с. 225; 6, с. 44–45]. Стоимость мяса устанавливалась относительно покупной цены животного [2, с. 31; 16, с. 96; *ср.*: 17, с. 606]. Продавалось мясо «за ту же сумму, которая была уплачена при покупке» [4, XV.2], доход же мясника состоял из головы, ног и внутренностей [4, XV. 2; 2, с. 33; 6, с. 45; 16, с. 96; 17, с. 607; 18, с. 142].

Сложнее восстановить сам механизм установления градоначальником «справедливой цены» на мясо, поскольку очевидно, что различные

части туши должны были иметь разную стоимость. Вероятно, с этим механизмом как раз связано требование заколоть одно из животных и «разрезать [его — А. Д.] на части в присутствии эпарха» [4, XV.2], который при этом устанавливал бы цену для каждой части таким образом, чтобы сумма этих цен удовлетворяла следующему равенству: $x = y_1 + y_2 + y_3 + \dots + y_n$, где x — цена, уплаченная за животное; y_n — цена части туши.

Исходя из заданных условий, цена животного составляет 100 %, и, следовательно, цена части туши равна y % от 100 %. Если предположить, что цена каждой разделочной части туши составляла определенный, изначально установленный и неизменный процент суммы, уплаченной за животное, то цена эта высчитывалась при помощи механизма,

который можно выразить следующей формулой: $y_n = \frac{x + d_n}{100\%}$, где d_n — заранее установленный процент; x — цена животного; y_n — цена разделочной части туши.

В русле политики контролируемого ценоустановления находился и надзор за торговлей салдамариев. Из продовольствия они могли продавать «солонину, копченую рыбу, колбасу, сыр, мед, растительное масло, всякого рода бобовые овощи» [4, XIII.1]. Исчисление цены определенного веса конкретного товара эти торговцы также должны были производить, отталкиваясь от «контрольного веса» товара, купленного за одну номисму, таким образом, чтобы получать с одного затраченного золотого «не больше двух милиарисиев прибыли» [4, XIII.5; *ср.*: с. 218]. Таким образом, бакалейщики должны были пользоваться таким же механизмом ценоустановления, что и рыботорговцы, с тем лишь отличием, что имели вдвое больший кердос.

Пристальному контролю подлежала также торговля вином. Всякий раз при поступлении новой партии вина проестоты капилов должны были обращаться к эпарху, чтобы тот сделал распоряжения о порядке его продажи. При этом симпон должен был «заставлять корчмарей, применительно к покупной цене, пользоваться [соответствующими] мерами и сосудами, в которых надлежит продавать вино» [4, XIX.1, с. 246; 2, с. 31; 16, с. 97; 15, с. 374; 18, с. 146]. Очевидно, здесь речь идет об изменении объема сосудов, в которых капилосы продавали вино при изменении закупочной цены [4, с. 246; 18, с. 146; *ср.*: 4, XVIII.4]. По аналогии с положениями, регулирующими деятельность некоторых вышеупомянутых корпораций, можно предположить, что сумма, на которую капилосы покупали «контрольный объем вина», равнялась одной номисме. Весьма вероятно также, что кердос корчмарей был фиксированным, и тогда соотношение цена/объем (количество) сосудов вина, предписываемых к продаже с объема товара, купленного на одну номисму, высчитывалось

симпоном посредством механизма ценоустановления, выражаемого формулой, почти идентичной той, которая применялась для установления цены одного каравая.

Весьма показательно, что власти регулировали цену на вино лишь для капилосов. Согласно Дигестам, положение которых в точности повторено в Василиках, никто из виноторговцев-оптовиков «не принуждается продавать, если он не согласен с ценой или мерой» [21, XVIII.1.71 (с. 448); 25, LIII.7.1; 4, с. 245; 6, с. 45–46; 26, с. 8]. Ту же ситуацию мы видим и при регулировании торговли мясом, когда владельцы стад не были ограничены никакими предписаниями и могли устанавливать цену согласно конъюнктуре рынка и по собственному произволу [2, с. 31]. Не устанавливало правительство цен на зерно [4, с. 237] и рыбу [15, с. 375], так же как и на продовольственные товары, продаваемые оптом салдамариям.

По всей видимости, такая организация продовольственного снабжения, когда администрация контролировала розничную торговлю через корпорации и не делала ничего для контроля за оптовыми поставщиками сельскохозяйственной продукции, говорит не только об определенной социальной политике [2, с. 31; 15, с. 374], но и о том, что власти шли путем наименьшего сопротивления, так как было гораздо легче регулировать деятельность корпораций, чем организовывать контроль за широкомасштабными оптовыми поставками продовольствия [ср.: 27, с. 150, 152]. Рассмотренные механизмы установления цен на различные продукты питания, возникнув однажды, использовались далее в качестве простых оперативных расчетных схем, в которые лишь подставлялись конкретные цифровые данные [7, с. 41; 11, с. 104].

Об адекватности выведенных механизмов ценоустановления реально существовавшей практике позволят судить другие, не учтенные в исследовании факты, соотносимые с построенной моделью [9, с. 82 сл.]. В случае отрицательного результата сложнее будет установить, насколько реальная деятельность чиновников, а, следовательно, и организация регулирования продовольственного снабжения жителей Константинополя соответствовала предписаниям Книги Эпарха и выведенным на их основе механизмам установления цен [9, с. 178–179; 18, с. 176; 28, с. 25]. Вопрос же о том, кто ошибался — исследователь, неверно толкуя нормы законодательного памятника, или чиновник, нарушая их, грозит надолго остаться открытым из-за крайне скудных свидетельств источников.

Литература

1. *История Византии*: в 3-х тт. — М.: Наука, 1967. — Т. 2.
2. *Сюзюмов М. Я.* Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. // *Византийский временник*. — 1951. — Т. 4.

3. *Курбатов Г. Л.* История Византии (От античности к феодализму). — М.: Высшая школа, 1984.
4. *Византийская книга Эпарха* / Вступ. ст, пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. — М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962.
5. *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии IX–X вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1960.
6. *Сюзюмов М. Я.* Экономические воззрения Льва VI // *Византийский временник*. — 1959. — Т. 15.
7. *Большие системы: моделирование организационных механизмов* / В. Н. Бурков, Б. Данев, А. К. Еналеев и др. Ин-т проблем управления. — М.: Наука, 1989.
8. *Дадамян Г. Г., Домнин Б. А., Семенов А. И., Тупицын В. Г.* Некоторые подходы к формализации процесса принятия решений в организационных структурах // *Моделирование социальных процессов*. — М.: Наука, 1970.
9. *Хвостова К. В., Финн В. К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. — М.: Росийск. гос. гуманитар. ун-т, 1997.
10. *Кнорринг В. И.* Теория, практика и искусство управления. — М.: Издательская группа Норма-Инфра • М, 1999.
11. *Назаренко И. В.* Проблема совершенствования процесса принятия решения как составляющая процесса совершенствования управления // *Вісн. Харк. ун-ту*. — 2000. — № 456. — Ч. 1.
12. *Корсунский А. Р.* Проблемы измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе // *Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории*. — М.: Наука, 1975.
13. *Самсонов Ю. Б.* Некоторые проблемы социологического измерения // *Моделирование социальных процессов*. — М.: Наука, 1970.
14. *Историческая информатика* / Под ред. Л. И. Бородкина, И. М. Гарсковой. — М.: Москгорархив, 1996.
15. *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. — Харьков: АО «Бизнес–Информ», 1998.
16. *Успенский Ф. И.* Константинопольский эпарх // *Известия Русского Археологического института в Константинополе*. — 1899. — Т. 4. — Вып. 2.
17. *Безобразов П. В.* Ремесленные и торговые корпорации // *Герцберг Г. Ф.* История Византии. — М., 1897.
18. *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. — М.: Наука, 1977.

19. Бурбаки Н. Архитектура математики / Бурбаки Н. Очерки по истории математики / Пер. с франц. И. Б. Башмаковой. — М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963.
20. *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я. Н. Любарского. — СПб.: Наука, 1992.
21. *Дигесты Юстиниана* / Пер. И. С. Перетерского // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М.: Зерцало, 1997.
22. Новиков Ю. А. Психологические критерии отбора информации // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 1970. — № 7.
23. Назарова Г. В., Золотарьова І. О. Інформаційний аспект прийняття управлінських рішень // Вісн. Харк. ун-ту. — 2000. — № 456. — Ч. 1.
24. *Eranagoge (corrigenum: Eisagoge!) Basilii, Leonis et Alexandri* / Rec. C. E. Zachariae a Lingenthal. — Lipsiae, 1892.
25. *Vasilicorum libri LX* / Ed. G. E. Heimbach, C. G. E. Heimbach. — Lipsiae, 1833. — Vol. 1.; Lipsiae, 1862. — Vol. 5.
26. Сюзюмов М. Я. Предпринимательство в византийском городе // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1966. — Вып. 4.
27. Курбатов Г. Л. К вопросу о корпорации хлебопеков в Антиохии IV в. // Вестник древней истории. — 1965. — № 1.
28. Гурней В. Введение в науку управления / Пер. с франц. Г. С. Яковлева. — М.: Прогресс, 1969.

Ю. А. Жукова

ОБРАЗ ДРЕВНИХ ЦАРЕЙ РИМА В ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РАННЕГО ПРИНЦИПАТА

В I веке до н. э. римское общество и государство переживало глубокий внутренний кризис. Древние полисные институты в ситуации, когда обострились социальные противоречия, не гарантировали стабильности и устойчивого порядка. Гражданская община с ее коллективной ответственностью распалась. А на политической арене появлялись новые формы власти, связанные с правлением Цезаря и особенно Августа. При этом чрезвычайно важное значение приобретает идеология.

С помощью идеологии Цезарь и Август стремились укрепить свое положение, обосновать право на сосредоточение власти в одних руках, так как единовластие, базирующееся на сочетании республиканских полномочий и магистратур, не было в достаточной мере обоснованным и не внушало должного авторитета [9, с. 68]. Однако в идеологи-

ческой политике Цезаря и Августа, несмотря на единые цели, заметны существенные различия. Если в целом политика Цезаря имела чрезвычайный характер, пытаясь удовлетворить насущные нужды всех слоев населения Рима, то в сфере идеологии он также стремился быть одобрен всеми, примеряя на себя различные идеологические модели и образы. Август же действовал более целенаправленно, в его правление идеология превращается в грандиозное государственное предприятие [11, с. 345]. Именно им была окончательно сформирована и воплощена в жизнь, появившаяся еще при Цезаре, идея божественности верховного правителя.

Эта идея укреплялась в сознании масс как посредством установления религиозного почитания Августа, так и прокламацией связи принцепса с миром богов. Наряду с этими мерами официальная идеология выработала еще один способ обоснования божественности императора, а именно — создание такого образа правителя, который за свои заслуги перед государством, в соответствии с традиционными представлениями римлян, считался бы достойным обожествления после смерти и, таким образом, близким богам при жизни. Причем создаваемый образ принцепса в данном случае перекликался с уже существующими образами древних царей Рима — Ромула и Нумы, первый из которых был обожествлен после смерти [6, I, 16, 2], а второй считался римлянами идеальным правителем, находящимся в близких отношениях с божествами, получая от них предсказания и божественные тайны [2, XV].

Однако проведение параллелей между Августом и древними царями служило не только способом обосновать претензии принцепса на божественность, но имело самостоятельное значение, так как изображение политики Августа как своеобразного повторения программы древних царей, приведшей в свое время к процветанию Рима, придавало власти принцепса популярность и авторитет. Необходимо добавить, что проведение такой идеологической линии стало возможно и выгодно лишь во время, когда популярность образа римских царей значительно возросла. Это произошло при Августе, тогда как в правление Цезаря наблюдалась иная картина.

По свидетельству источников, именно претензии Цезаря на царскую власть являлись причиной народного недовольства и поводом для его противников организовать заговор [4, LVII]. Соотечественники Цезаря с осуждением смотрели на попытки диктатора принять царскую корону [4, LXI], их раздражало ношение им пурпурной одежды, а также многие другие слишком откровенные и незаслуженные претензии. Таким образом, неприятие царской власти (как одной из форм тирании) являлось